

ТЕКСТ – ДИСКУРС – ПОЭТИКА

А. В. НЕСТЕРОВА

(Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-1699-0542

УДК 821.161.1-522"16"
DOI 10.26170/ufv20-04-06

РЕФЛЕКСИЯ РОЛИ СЛОВА УЧЕНИЯ В ПРОПОВЕДНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ XVII ВЕКА¹

Аннотация. В статье раскрывается понимание авторами сборников поучений XVII века значения проповеднического слова для развития общества и духовного становления личности. В частности, рассматриваются схожие по тематике проповеди сборника «Статир» анонимного автора и сборника «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого. Избранные для сопоставления поучения посвящены святителям-проповедникам – Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту в «Статире» и Григорию Богослову в «Вечери душевной», – что позволяет авторам освещать проблематику, связанную с проповедническим словом и категорией знания, в самобытном для каждого из них ключе. Проводится сравнительный анализ репрезентации в текстах обоих памятников представлений о роли *слова учения* и *мудрости*.

Ключевые слова: гомилетика; проповеди; литературные памятники; рукописные сборники; литературное творчество; литературные жанры; сравнительный анализ.

Во второй половине XVII века жанр проповеди, как и другие литературные жанры эпохи барокко, начал претерпевать серьёзные трансформации, в первую очередь связанные с усилением авторского начала и проявлением самосознания автора в тексте [Алгави]. В этот период возникают сборники авторских проповедей, которые, тем не менее, всё ещё не были распространённым явлением. В связи с этим особого внимания заслуживает проблема рефлексии авторами роли *слова учения* (фак-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)).

тически, проповеди) как такового и категории *мудрости* в духовном становлении личности, которое тесно связывается в сознании авторов с основной в их понимании целью земной жизни – спасением души. Именно в обозначенный период разумное начало становится вспомогательным элементом для духовного совершенствования – ранее этой категории в гомилетической литературе уделялось значительно меньше внимания, а противопоставление разума и духа возникнет намного позже.

В контексте обозначенной проблемы сопоставим проповеди двух авторских сборников поучений второй половины XVII века – «Статир» анонимного автора и «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого. Рукописный сборник «Статир» – один из самых ярких и малоисследованных памятников письменности «переходной» эпохи, он был создан в конце XVII века в Орле-городке, вотчине Строгановых [Соболева; Соболева, Мангилев]. В проповеди «Слово 35. Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей: Василия Великаго, Григория Б(о)гослова, Иоанна Златаустаго. Похвала о паства прилежания ихъ. И о лживыхъ пастырьехъ, и на еретики, и н(ы)нѣшния расколники»¹ [Сборник слов и поучений «Статир», лл. 193-200 об.] особенно полно раскрывается авторское понимание *слова учения* в силу значимости для автора святителей-проповедников, что даёт основу для сопоставления этого текста со схожей по тематике проповедью Симеона Полоцкого из «Вечери душевной» – «Слово 25. Слово первое въ день во с(вя)тыхъ о(т)ца нашего Григория Б(о)гослова. Блажень человекъ иже обрете премудрость» [Симеон Полоцкий 1683: 223-230]. Сравнение позволяет проследить, как одна и та же тема восхваления святителей-богословов преломляется в тексте двух современных друг другу авторов и какие вторичные темы развивают проповедники, оттолкнувшись от образа святых. Предмет обоих проповедей практически идентичен, и Симеон Полоцкий также прибегает к фигуре святителя для раскрытия собственной концепции *мудрости*. Система, создающаяся Полоцким на основе понятия мудрости, сложно организована и даёт возмож-

¹ С текстом проповеди можно ознакомиться в первой ее публикации (Нестерова А. В. Рукописный сборник «Статир». «Слово 35. Поучение на день триехъ святителей...». Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2020. № 2 (30). С. 323-341).

ность провести параллели между пониманием Симеоном её сущности и осмыслением автором «Статира» *учения и знания* в целом.

Анализ «Слова 35. Поучение на день трех святителей...» сборника «Статир» позволяет выявить основные составляющие концепта *слова учения* в понимании автора. Оно воплощает собой слово действенное, способное преобразовать окружающий мир силой благодати и знания, в нём заключающегося. Так, *слово учения* предстаёт многоуровневым иерархически выстроенным концептом: высшую ступень занимает слово, явленное в Евангелии и исходящее напрямую от Бога-Слова, затем следует слово, изречённое апостолами и отцами церкви, и, наконец, слово всякого священника, обладающего даром проповеди – и в этом завершающем звене автор оказывается причастен к вневременной цепи восприятия и трансляции Божественного Логоса, а сам сборник «Статир» воплощает данный уровень концепта.

Помимо теософской основы *слова учения* изученный текст проповеди «Слово 35. Поучение на день трех святителей...» обнаруживает понимание роли книжного слова и знания священных текстов как основного механизма спасения души человека и силы, способной противостоять неправедному слову – еретическим учениям. Подробный анализ текста указанной проповеди представлен в ранее опубликованной работе [Нестерова 2020], раскрывающей понимание автором концепта слова в контексте его тематического разнообразия.

Основываясь на представленном ранее исследовании, обратимся для сопоставления к проповеди сборника «Вечера душевная» Симеона Полоцкого, не публиковавшейся ранее и посвящённой Григорию Богослову – «Слово 25. Слово первое въ день во с(вя)тыхъ о(т)ца нашего Григория Б(о)гослова. Блажень человекъ иже обрете премудрость» [Симеон Полоцкий 1683: 223-230]. Симеон Полоцкий открывает «Слово», посвящённое Григорию Богослову, отсылкой к ветхозаветной фигуре царя Соломона, славившегося своей мудростью:

«Преславнейший мудростию, и мирнымъ скипетрадержаниемъ во царехъ Иудейскихъ, сынъ царя и пророка Давида, царь же и пророкъ Соломонъ, под солнцемъ от Бога созданныхъ вещей преискусно знаше естество, свойство, и силу, последовательно и цени-

ти я можаше, Слушателие православнии, сведетельствует о сем божественно писание сице...» [Симеон Полоцкий 1683, 223 об.].

Далее следуют мотивы царя Соломона, избравшего мудрость как величайший дар в сравнении со всеми благами вещественного мира, описание прошения Соломона о даровании мудрости и, наконец, переход от фигуры ветхозаветного царя к образу Григория Богослова, также искавшего мудрости. Прибегая к фигурам царя Соломона и святителя Григория, Полоцкий как бы побуждает читателя искать той же высшей ценности и обогащаться знанием, которое неизбежно должно привести к спасению и Богу. Необходимость «стяжать разум» для спасения души внушается читателю, и её осознание свидетельствует о новом для эпохи XVII века витке в осмыслении пути спасения человеческой души. Таким образом, поучая читателя, Симеон одновременно усиливает в нём желание изучать сборник и восходить по лестнице познания.

Наиболее концептуальная часть начинается с представления Симеоном концепции *мудрости*. Полоцкий разделяет концепт мудрости на несколько семантических полей, в его понимании она неоднородна. Разделение происходит между мудростью небесной (духовной), земной (мирской) и плотской («скотской»). Последние две бесполезны и даже могут оказаться вредными для становления человека, уводящими на ложный путь.

«Различная есть въ человецехъ мудрость, слушателие православнии: Есть **мудрость скотская** или мудрование плоти, о нем же апостоль глаголетъ: Сущии во плоти плотская мудрствують. Сия мудрость, не точию несть полезна, но душегубна, ибо по томужде апостолу: Мудрование плотское смерть есть. <...> Занеже мудрование плотское вражда на Бога, закону бо Божию не покарается.

Есть **вторая мудрость мирская**, юже наипаче стяжуть сребролюбцы, и любочествуемъ содержимии людие <...> Зде знамен(а)ти годствуетъ, и увеститися всемъ лепо есть, яко не раждаются зде художества свободная, Грамматика, Риторика, философия, и прочая, яже зело суть полезна во гражданстве, и къ духовной премудрости пособственна: Но обхуждается зде разума естественнаго, художествомъ техъ хитростию изошценна-

го, Божию словеси непокорство, егда кто на естественныя вины взирая, Божию не повинуется слову, та мудрость мира сего, буйство есть у Бога: ибо величайшее есть заблуждения // начало, еже хотети божественная, и весма умь человеческий превосходящая, мерою человеческого разума мерити» [Симеон Полоцкий 1683, 224 об.-225].

Отталкиваясь от этой концепции ума, от разделения на божественный и мирской ум, Симеон переходит к житию Григория Богослова: сначала описывается постижение им мирских наук, затем его осознание недостаточности земного знания и решение отправиться в путешествие, на поиски истины. Так, все события в жизни Григория Богослова в интерпретации Симеона обретают смысл поиска духовной премудрости. Житие святителя даёт почву для рассуждений о мудрости и вместе с тем служит рефлексией всех её аспектов. Иллюстрации из жития возникают, когда Симеон переходит к описанию третьей, «духовной» мудрости:

«Есть же и **третья мудрость, духовная**: яже творить душу любезну Господеви, и обретаема точию в духовныхъ, по глаголу апостола Павла: Сущии по духу, духовная мудрствують, и хранящымъ ю животь есть, по словеси того же: Мудрование духовное животь и миръ, егоже нам живота и мира желая, апостоль глаголетъ сице: Сего ради и мы не престанемъ о васъ молящися и просяще, да исполнитесь в разуме воли Его, во всякой премудрости и разуме духовномъ» [Симеон Полоцкий 1683, 226 об.].

Особого внимания заслуживает развёртывание внутренней структуры третьей мудрости, где каждый из трёх элементов (назовём их *типами*) имеет по три конкретных реализации (*подтипа*):

«Сей же разумъ, или мудрость духовная, есть трегуба: **Сердечная, Устная и Делная**. Первая **сердца мудрость** во триехъ содержится, в покаянии о гресехъ прешедшихъ, во преобиждении прибытковъ, и в желании вечныхъ благъ» [Симеон Полоцкий 1683: 227].

Продолжается дифференциация понятия духовной мудрости, и Симеон подходит ко второму типу, также делимому на три более конкретных. Здесь, как и в предшествующем случае, происходит демонстрация доводов на примере жития Гри-

гория Богослова. Для более полного представления о том, какие моменты жития святого оказываются значимыми для Полоцкого, приведём достаточно обширный фрагмент проповеди, связанный с «устной» премудростью:

«Вторая усть премудрость такожде во триехъ содержится. Во исповедании греховъ, во благодарствии, и въ назидании ближнихъ. И сию богомудрый Григорий стяжа совершенно <...> Назидаше и ближния, ибо вся учаше вере православной и къ добронравию наставляше. Назидаше ближния, егда арианскую ересь обличаше, отца же своего Григория, епископа Назианскаго, неведениемъ поползшагося, и многи с нимъ души, из блядословныхъ сетей арианскихъ, мудростию божественною исхитить есть. Назидаше ближния, егда премудрейшая словеса написа на Иулиана богоотступника, показуя теми мерзость его идолове, къ нимъ же неискусныя влечаше своимъ повелениемъ...» [Симеон Полоцкий 1683, 227-227 об.].

На этом пассаже не заканчивается, но приведённого отрывка достаточно для обоснования некоторых наблюдений. Полоцкий выделяет «устную» мудрость, проявляющуюся в назидании ближних. Особое значение обретает в системе, выстраиваемой Симеоном, противостояние еретическим учениям. Возможно, автор «Статира», читая сборник «Вечеря душевная», вдохновился на создание труда, воплощающего эту «вторую» мудрость, и воспринял теорию Полоцкого как прямое руководство к действию (вполне возможно, что автор был знаком с этим Словом непосредственно, поскольку он неоднократно ссылается на труды Полоцкого на полях своей рукописи). В его «Слове», посвящённом трём святителям, также наблюдается тесное переплетение темы слова учения и борьбы с «неправедным» словом. Так, являя собой пример деятельного и созидательного восприятия учения, автор рукописи верит и в силу своего слова, в его способность подвигнуть прихожан и читателей на реальные действия, вызванные осознанием истины.

Полоцкий завершает пассаж подведением итога, который также можно считать реализованным в действиях создателя «Статира»: «Всячески убо назидаше ближния, словомъ, и устнымъ и писаннымъ. Назидаше купно и деломъ богомудрыя жиз-

ни своя» [Симеон Полоцкий 1683, 228-228 об.]. О воплощении последнего наставления нельзя судить достоверно, но по крайней мере, можно утверждать о стремлении автора рукописи вести образ жизни согласно с его представлениями об идеале – мотив необходимости соответствия дел словам неоднократно возникает в проповедях сборника.

Наконец, Полоцкий разворачивает описание последнего типа мудрости:

«**Делная же мудрость** подобне в триехъ содержится, во отречении воли своя, во отсечении сластей плоти, в терпении противства мира сего. И сию же мудрость стяжа совершенно богомудрый Григорий: ибо отречеся воли своя, егда поработися вышнему, и та дела творяше, яже Божие заветаще веление, а не яже плоть деяти увещаше. Отсече и сласти плоти, егда не сладостне питаше чрево, но постомъ смиряше душу свою: не брашны исполняше сырище, но сердце благодатию Божиею: не виномъ упивашеся сладкимъ, но дары Духа Святаго исполняемъ бяше» [Симеон Полоцкий 1683, 228 об.].

В «Слове» сборника «Статир», посвящённом трём святителям, можно обнаружить критику недостойного поведения современных автору священников, их привязанность к мирским утехам. Симеон противопоставляет «сластям плоти» и «брашну» дары Духа Святого, автор же «Статира» включает словесный, «разумный» аспект и делает упор на необходимость чтения священных книг и изучения Писания. Думается, именно так он представляет себе возможный путь приобщения к благодати и стяжания даров Духа. Возможно, он наблюдал недостаточность одной лишь литургической благодати для священства и видел необходимость в дополнительном, принципиально значимом источнике очищения и спасения.

Касаясь третьего подтипа «делной» мудрости, Полоцкий описывает не только претерпевание гонений Григорием Богословом, но и его способность прощать врагов и становиться для них духовным наставником:

«Напоследокъ, терпяше доблественне и противства мира, егда от нечестивыхъ еретикъ, от арианъ, от Македонианъ и Аполинарианъ люте гонимъ бяше. <...> Учитель же святой не

умысли зла за зло воздати, но подобяся архипастырей начальнику Христу Господу, молившему Отца о убиинцехъ своихъ, да отпустить имъ согрешения, отпусти ему грехи его, и за епитимию увеща его, еже от арианския прелести удалитися, и соединитися православныхъ собору. И тако добрый пастырь, за умышленник смерти, промысли ему путь жизни вечныя, сотвори яко врачъ приеискусный изъ яда смертоносна, врачество животворное» [Симеон Полоцкий 1683, 229].

Симеон указывает на то, что Григорию Богослову пришлось терпеть гонения не только от еретиков, но и от «благочестивых». Можно предположить, что эти слова послужили утешением и автору «Статира», приход которого, как известно из текста Предисловия, не одобрял полностью его начинания проповедывать нелицеприятно, критикуя местные нравы, составить собственный сборник проповедей, а иногда и встречал его враждебностью.

«Терпяше же, не точию от нечестивыхъ гонение, но и от благочестивыхъ: ибо египетстии епископи возмутившеся нань, тщахуся изгнати его со престола, и темь изветомъ многи мятежи творяху в церкви, и яко волны морския корабль: тако они колебаху престоль цариградский» [Симеон Полоцкий 1683, 229 об.].

«Делная» мудрость, проявляющаяся в отречении от любых мирских благ, была полноценно явлена в завершительных шагах пастырства Григория:

«...Что [многи мятежи] видя многотрудный и всетерпеливый пастырь, мирно, и сладце увещаше мятежники ко примирению. Егда же ничто на них успе увещаниемъ многимъ. Напоследокъ рече имъ: отцы и братия мои, не подобаетъ вамъ <...> несогласнымъ быти с собою: молю совершите в мире дела ваша: аще мене ради молва есть, <...> низрините мя со престола, точию да будетъ согласие и миръ между вами. Правду и миръ любите, а мене пренебрежите, сия же рекъ целова я. Потомъ шедъ к царю, благодари его о попечении церкви, и моли не о сребро и злато, ни о утверждении на престоле, но о хранении любве и мира между архиереи и иереи божиими, яко техъ миръ, есть утверждение церкви и царствия» [Симеон Полоцкий 1683, 229 об.].

Так Полоцкий подходит к завершению проповеди на день памяти Григория Богослова, вплетая его житие в развернутую девятичастную концепцию мудрости и высвечивая наиболее значимые и показательные события жизни святого. Происходит и наставление читателей, и погружение в историю церкви. В конце «Слова» присутствует традиционный хвалебно-молитвенный пассаж:

«...За что мы блажаще его сице: Блажень человекъ Григорий святой, яко обрете премудрость, за нюже Богословъ наречеся <...> Моли о насъ Царя всея твари, <...> да сохранить ны разумомъ, во еже не земная, но небесная мудрствовати, да не скотски и мирски, но духовне сердца усты и делесы мудри явимся, и Ему Самому житиемъ нашимъ угодивше; с мудрыми девами впущени будемъ во чертогъ небесный, идеже Единому Премудрому Богу, ты со всеми небесными силами, и со всеми святыми честь и славу возсылаеши, ныне и присно и во веки вековъ непрестанно, аминь» [Симеон Полоцкий 1683: 230].

Как видно по тексту всей проповеди и по заключительному пассажи, *мудрость* в трактовке Симеона оказывается в центре христианской аксиологической системы, и даже Бог получает именование «Единый Премудрый». При этом мудрость четко разделяется на земную (мирскую) и небесную, и из последней вытекают основные христианские добродетели. Читатели последовательно убеждаются в необходимости познания небесной мудрости, которая практически не разделяется с праведностью. Можно сказать, что автор «Статира» не дифференцирует явно *слово учения* как таковое, для него оно предстает абсолютным благом, способным воздействовать на душу человека и на мир. Но имплицитно в его проповеди также присутствует противопоставление праведного слова и еретических учений, которые должны быть этим словом побеждены.

Так, мудрость у Симеона Полоцкого предстает как система, первая дифференциация происходит на аксиологическом уровне (первая мудрость – «скотская», или плотская, вторая мудрость – мирская, третья – духовная). В центре системы закономерно оказывается духовная мудрость, являющаяся в трёх ипостасях («Сердечная», «Устная», «Делная»), которые в свою очередь со-

держат по три конкретных проявления: «Сердечная» – «в покаянии о гресехъ прешедшихъ, во преобиждении прибытковъ, и в желании вечныхъ благъ», «Устная» – «во исповедании греховъ, во благодарствии, и въ назидании ближнихъ», «Делная» – «во отречении воли своея, во отсечении сластей плоти, в терпении противства мира сего». Каждое из проявлений иллюстрируется примерами из жития Григория Богослова и углубляет понимание сказанного.

Если проводить параллель с пониманием *учения*, представленным автором «Статира» в «Поучении на день трех святителей», то, во-первых, праведное учение и знание предстаёт безусловным благом, противостоящим ереси, и скорее может отождествляться с «Устной» мудростью Полоцкого (назидание ближних) в одном из своих проявлений. Понимание слова учения гораздо шире самого наставительного, проповеднического слова (как это было описано в начале главы). Если мудрость у Полоцкого является одной из главных добродетелей, инструментом для усвоения божественной благодати и реализации праведного жития, компасом, направляющим ко множеству других добродетелей и, следовательно, ко спасению, то в «Статире» слово учения имеет более материальный характер (в первую очередь это слово письменное – сакральные книги и святоотеческое наследие – и устное) и при этом может быть носителем благодати и истины, иметь сакральную природу (Бог-Слово).

Во-вторых, мудрость Симеона существует внутри человека, в его сознании или является качеством его души, личности, в то время как слово учения, на которое делается упор в «Статире», существует вне субъекта, но направляет его, способно на него воздействовать, быть им усвоено и ретранслировано. Другими словами, речь идёт о двух разных понятиях и концепциях, интересных для соположения в силу идентичности темы проповеди, в рамках которой они возникают (проповеди на день памяти святителей-богословов) и общности в определённой степени нового для сознания эпохи второй половины XVII века элемента – элемента *разумности* и участия разума в спасении человеческой души.

В-третьих, добродетель, как можно судить по текстам «Вечери душевной», неразрывно связана с мудростью и *пониманием* того, как необходимо действовать для спасения души. Один из путей обретения духовной мудрости – употребления «пищи для души», учительного слова – «Обеда душевного» и «Вечери душевной». В «Статире» же раскрывается сложная многоуровневая концепция *Слова* как такового, способного через материальное воздействие на ум и душу человека преобразить его и мир вокруг. Приобщение к Богу-Слову и обретение благодати происходит в таинстве евхаристии и через чтение слов Христа в Евангелии, к слову же апостолов, святых отцов – через тексты и проповеди современных слушателю священников. Интересно, что в обоих случаях, если читатель не соприкасается с текстом непосредственно, то проводником благодати и истины становится священник – либо в таинстве причастия, либо во время наставления паствы.

Итак, каждый из авторов раскрывает свой вариант родственных концепций в сборниках, демонстрируя самобытность и специфическое понимание роли разума и слова в духовном становлении личности.

ЛИТЕРАТУРА

Алгави Л. Русское барокко конца XVII века (на материале литературы и публицистики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / МГУ им. Ломоносова. М., 1996. 27 с.

Алексеев П. Т. «Статир»: описание анонимной рукописи XVII века // Археографический ежегодник за 1964 год. М. : Наука, 1965. С. 92-101.

Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1842. 903 с.

Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М : Наука, 1990. 222 с.

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. 1948. Т. 6. С. 125-153.

Нестерова А. В. Бытийная и антропологическая семантика Слова в поучениях конца XVII в. // Quaestio Rossica. 2020. № 1. С. 36-55.

Нестерова А. В. Рукописный сборник «Статир». «Слово 35. Поучение на день триех святителей: Василия Великого, Григория Бого-

слова, Иоанна Златаустаго. Похвала о пастве прилежания ихъ. И о лживыхъ пастырехъ, и на еретики, и нынѣшнии расколники» / вступ. ст., публ. и прим. А. В. Нестеровой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 323-341.

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8: Филология. С. 175-186.

Соболева Л. С., Мангилев Петр, прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 134-145.

Яхонтов И. К. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. 1858. № 40. С. 26-38; № 44. С. 141-149.

Список источников

Сборник слов и поучений «Статир». Конец XVII века // РГБ. Собр. Румянцева № 411. 815 л.

Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М. : Типография Верхняя, январь 1683 [19.10.7190 – 01.07.7191]. 716 л.

Симеон Полоцкий. Обед душевный. М. : Типография Верхняя, октябрь 1681 [7190]. 771 л.

REFERENCES

Algavi L. Russkoe barokko kontsa XVII veka (na materiale literatury i publitsistiki) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.10 / MGU im. Lomonosova. M., 1996. 27 s.

Alekseev P. T. «Statir»: opisanie anonimnoy rukopisi XVII veka // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1964 god. M. : Nauka, 1965. S. 92-101.

Vostokov A. Kh. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisey Rumyantsevskogo muzeuma. SPb. : Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1842. 903 s.

Eleonskaya A. S. Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka. M : Nauka, 1990. 222 s.

Eremin I. P. Poeticheskiy stil' Simeona Polotskogo // TODRL. 1948. T. 6. S. 125-153.

Nesterova A. V. Bytiynaya i antropologicheskaya semantika Slova v poucheniyakh kontsa XVII v. // Quaestio Rossica. 2020. № 1. S. 36-55.

Nesterova A. V. Rukopisnyy sbornik «Statir». «Slovo 35. Pouchenie na den' triekh" svyatiteley: Vasiliya Velikago, Grigoriya Bogoslova, Ioanna

Zlataustago. Pokhvala o pastve prilezhaniya ikh". I o lzhiykh" pastyrekh", i na eretiki, i nynʂshniya raskolniki» / vstup. st., publ. i prim. A. V. Nesterovoy // Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii. 2020. № 2 (30). S. 323-341.

Soboleva L. S. Avtorskiy kod rukopisnogo sbornika «Statir» (Orel-gorodok, 1683–1684 gody) // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2011. T. 10, vyp. 8: Filologiya. S. 175-186.

Soboleva L. S., Mangilev Petr, prot. Istoricheskiy kontekst so-zdaniya sbornika propovedey «Statir» i lichnost' avtora // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya : materialy II Vserossiyskoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii (Ekaterin-burg, 12 fevralya 2014 g.). Ekaterinburg : Inform.-izd. otdel EDS, 2014. S. 134-145.

Yakhontov I. K. Russkiy propovednik XVII stoletiya // Dukhovnaya beseda. 1858. № 40. S. 26-38; № 44. S. 141-149.

Sbornik slov i poucheniy «Statir». Konets XVII veka // RGB. Sobr. Rumyantseva № 411. 815 l.

Simeon Polotskiy. Vecherya dushevnyaya. M. : Tipografiya Verkhnyaya, yanvar' 1683 [19.10.7190 – 01.07.7191]. 716 l.

Simeon Polotskiy. Obed dushevnyy. M. : Tipografiya Verkhnyaya, oktyabr' 1681 [7190]. 771 l.